

В.А. Алексеев

**Допросы Емельяну Пугачеву и письмо о нем
государыни императрицы Екатерины II к
графу П.И. Панину**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Алексеев**
Допросы Емельяну Пугачеву и письмо о нем государыни императрицы Екатерины II к графу П.И. Панину / В.А. Алексеев –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 61 с.

ISBN 978-5-518-03972-8

ISBN 978-5-518-03972-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

соединясь съ военными командами, — командиръ въ то время былъ Его Силтельство, Г. Генералъ-Аншефъ, Графъ Петръ Ивановичъ Паппъ, — пошли подъ Бендеры, а какъ оныя взяли, то выступили на зимнія квартиры въ городъ Елисаветъ. Изъ Села Каменки отпущенъ я былъ, за болѣзнію, въ домъ свой, и при мнѣ въ отпускѣ сто человекъ казаковъ, на мѣсяць; а по прошествіи срока, вѣрно было явиться опять къ командѣ, гдѣ обрѣгаться будетъ армія. Что жъ? Когда я, будучи въ арміи, назывался Государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило, назваться мнѣ самымъ Государемъ. Пріѣхавъ въ свой домъ, хотя болѣзнь моя не умалилась, однако жъ, какъ вышелъ срокъ моему отпуску, то собралъ свою команду и примымъ трактомъ пошелъ на рѣку Донецъ; перешедъ оный, увидѣлъ я, что, по причинѣ своей болѣзни, ѣхать ни какъ не могъ; но, чтобъ служба за мной не состояла, нанялъ за себя казака Михайла Бирюкова, который къ арміи за меня съ тѣми ста человеками казаковъ и поѣхалъ. А я, будучи весьма болѣзнъ, и пріѣхалъ въ домъ свой, и лежалъ съ мѣсяць. Когда же увидѣли тутъ станичныя командиры, что къ выздоровленію безнадеженъ, ибо на ногахъ и на рукахъ были величайшія раны, то сказали мнѣ, чтобъ wziлъ я станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда, и ѣхалъ въ городъ Черкасскъ, и я поѣхалъ. А по пріѣздѣ явился къ войсковому Атаману, Степану Данилову сыну Ефремову. Оный сказалъ мнѣ, чтобъ шелъ я, для излѣченія ранъ, въ лазаретъ, «а какъ же не излѣчишься, то тогда отставка, де, тебѣ дастся, ибо я, де, вижу, что ты, можешь быть, со временемъ, и вылѣчишься;» однако жъ я не пошелъ въ лазаретъ, боясь того, чтобъ больше болѣзнь моя не умножилась, а разсудилъ пользоваться на своемъ коштѣ, о чемъ Ефремову доносилъ, сказывая при томъ, что между тѣмъ поѣду въ Таганрогъ, къ сестрѣ своей, для свиданія. На то Ефремовъ говорилъ: «Очень хорошо, пожалуй, де, поѣзжай; вѣдь ты и билетъ имѣешь для проѣзда, куда хочешь;» почему я и пріѣхалъ въ Таганрогъ. Зять своего дома не улучилъ, а сестра впезапному моему пріѣзду весьма обрадовалась, а чрезъ нѣсколько дней и зять мой въ домъ пріѣхалъ. Между многихъ разговоровъ зять сказывалъ: «Насъ, де, хотятъ обучать по гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ». А на то я отвѣчалъ: «Какъ, де, это, кажется, не годится, чтобъ перемѣнять уставъ казачьей службы, и надобно, де, о семъ просить, чтобы оставить казаковъ на такомъ основаніи, какъ дѣды и отцы войска Донскаго служили». На то зять мой, Симонъ Павловъ, говорилъ: «У насъ, де, много уже и перемѣнили; старшинъ, де, у насъ уже нѣтъ, а названы, вмѣсто оныхъ, ротмистры; а когда, де, насъ начнутъ обучать не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ». На сіе я ничего не сказалъ. Жилъ тутъ три недѣли; когда сталъ собираться домой, то сестра моя стала проситься для свиданія съ матерью, которую я, съ позволенія зятя своего, съ собою и взялъ. Пріѣхавъ на рѣку

Гузловъ, разстояніемъ отъ города Черкаска верстъ сорокъ, сталъ кормить лошадей, въ которое время и зять мой меня нагналъ въ числѣ трехъ казаконъ и сказывалъ, что они бѣжали для того, что не хотятъ служить по новымъ обрядамъ службы. На то я говорилъ: «Что вы это взумали? Бѣду и со мною дѣлаете; не равно будетъ погоня, такъ въ поимкѣ и меня свяжутъ, въ тѣхъ мысляхъ, яко бы васъ подговорилъ; а я въ томъ безвинно отвѣчать принужденъ буду.» На то они говорили: «Что, де, ты ни говори, мы назадъ не поведемъ, а поидемъ туда, куда Богъ паразумитъ». А на то я сказалъ: «Когда вы уже сіе предприняли, такъ бѣгите на рѣку Терекъ; тамъ де, много живетъ людей, рѣкъ и лѣсовъ довольно, и такъ прожить будетъ способно; а тамошніе, де, жители страннопріимчивы, и васъ для житія примутъ». Почему они ѣхали туда и согласились. А какъ лошадей выкормили, то и поѣхали вмѣстѣ. Не добхавъ Зимовейской станицы, зять мой, простясь со мною и съ женою, а моею сестрою, въ числѣ грехъ человекъ поѣхали въ сторону, а я пріѣхалъ въ домъ свой. Сестра, побывъ у меня въ домѣ, пошла къ свекру своему, Зимовейской же Станицы казаку, Пинигъ Павлову. А на другой день показанный зять мой, Павловъ, оставя бѣжавшихъ съ нимъ казаконъ въ яѣсу, самъ къ отцу своему въ домъ пріѣхалъ. А какъ отецъ его спрашивалъ, за чѣмъ пріѣхалъ изъ Таганрога, то онъ отвѣчалъ: «За женою бригадиръ, де, въ Таганрогъ—бывшій, узнавъ, что жена моя безъ спросу уѣхала, хотя и съ братомъ, на мнѣ, де, взыскиваетъ строго, говоря при томъ: «Сюда, де, жонъ на житіе силою привозятъ, а ты отпускаешь». Такъ отъ отца отговорился, не сказывая отнюдь ему своего къ побѣгу намѣренія. Жилъ зять мой у отца своего только одни сутки, и сказалъ ему, что ѣдетъ обратно въ Таганрогъ, и Павловъ у меня изъ Зимовейской станицы выѣхалъ. А въ полночь пріѣхалъ къ моему двору, и спрашивалъ: «Покажи, де, намъ дорогу на Терекъ». На то я отвѣтствовалъ: «Ты, де, за солью на Манычъ хаживалъ, такъ поди сею дорогою, а она и доведетъ тебя до Терка». Потомъ просилъ меня, чтобъ я перевезъ чрезъ Донъ, и хотя я отъ сего отговаривался, однако жъ, по усиленной просьбѣ ихъ, перевезъ и съ сестрою своею. А какъ по перевозѣ горилъ я зятю, что если васъ поймаютъ, такъ будутъ взыскивать на мнѣ, для того что сестра у меня въ домѣ была, и послѣ съ тобою бѣжала, то зять говорилъ: «Сіе будетъ неправосудно; вѣдь въ Станицѣ знать будутъ, что я взялъ уже сестру твою на свои руки, такъ въ чемъ тебѣ отвѣтствовать должно?» Потомъ, простясь и съ своимъ зятемъ и сестрою, назадъ въ домъ свой возвратился, а они на Терекъ въ путь свой отправились.

По разставаніи зять мой ѣздилъ по степи недѣли три и, не найдя того тракта, куда на Терекъ ѣхали, возвратился въ Станицу Зимовейскую, гдѣ, по распросѣ Атаманомъ, принужденъ они были признаться, что бѣжали. А какъ спрошены были, кто черезъ Донъ перевозилъ, какъ туда

поѣхалъ, то и принуждены они были сказать на меня. А какъ услышалъ, что зять мой меня оговорилъ, и будетъ мнѣ бѣда, то я, не сказавъ жепѣ своей и матери, которая еще жива была, бѣжалъ, и жилъ недѣли двѣ въ степи, около рѣчекъ, а потомъ въ домъ свой пріѣхалъ. Когда жъ узнали обо мнѣ въ Станицѣ, то взяли подъ караулъ и отослали въ Чирскую Станицу, въ Розыскную Команду. А въ Розыскной во всемъ я признался, и посланъ былъ въ городъ Черкасскъ въ колодѣ по Станицамъ, чтобъ за безопаснымъ конвоемъ туда былъ доставленъ. А какъ привезенъ былъ въ Цымлянскую Станицу, гдѣ казакъ Лукьянъ Худаковъ упросилъ прочихъ, чтобъ меня отдали ему на поруки для доставленія въ Черкасскъ. Когда жъ тутошскій Атаманъ тому казаку, по просьбѣ его, отдалъ, то Худаковъ снялъ съ меня колодку и послалъ въ Черкасскъ со своимъ сыномъ малолѣтнимъ, оному отъ роду было тогда около 20 лѣтъ, который малолѣтокъ и повезъ было, но отецъ сказалъ сыну своему на ухо, чтобъ съ дороги меня отпустилъ для того, что я съ Худаковымъ вонилъ хлѣбъ и соль, такъ и учинилъ сіе по пріязни.

И такъ сынъ Худакова, вывезши меня въ степь, далъ свободу, и пошелъ я, не бывъ въ своемъ домѣ, въ Малороссію, Изюмскаго полка въ слободу, называемую Кабанью, къ мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему сказалъ, что я бѣглый Донской казакъ, и не знаю, куда дѣтсѣ. На то Коровкинъ отвѣчалъ: «Пойди, де, въ Польшу, а пройти, де, можно между форпостовъ, и проживши тамъ нѣсколько времени, выйди въ Россію, и скажи на форпостъ, что Польской выходецъ; а какъ, де, есть Указы, что Польскихъ выходцевъ селить велѣно по желанію, то и выберешь для житья любое мѣсто, а я, де, тебѣ дамъ сына своего для провожденія и освѣдомленія въ Польшу о житѣ раскольниковъ;» ибо и онъ, Коровкинъ, раскольникъ. А какъ я хотя и не раскольникъ, да вижу, по сказкѣ Коровкина, что способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ, то живъ я у него три дня, съ сыномъ его пріѣхалъ въ Стародубской монастырь, гдѣ живутъ всѣ раскольники и бѣглыхъ великій притонъ. Тутъ сказалъ я о себѣ, что я бѣглый Донской казакъ и жилъ у расколическаго старца. Вавилы, 15 недѣль, и выпрашивалъ, гдѣ бы лучше прожить. На то старецъ отвѣчалъ: «Лучше, де, не можно, какъ итти въ Польшу, и оттуда выйти на форпосты, объявиться выходцемъ, взять Указъ, гдѣ хочешь поселиться, и туда пріѣхать. А со временемъ можешь и жену свою, хотя боровски, къ себѣ достать и жить цѣлый вѣкъ спокойно;» по чему я съ тѣмъ сыномъ Коровкина между форпостовъ въ Польшу поѣхалъ, и по сказкѣ жъ объявленнаго старца въ слободу Вету пріѣхалъ. Въ оной слободѣ живутъ все раскольники, всякаго сорта люди.

Побывъ въ той слободѣ три дня, и оставя товарища своего, Коровкина, въ покоѣ, самъ пошелъ пѣшкомъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобъ сказаться такъ, какъ названъ, и пришелъ на форпостъ Добрянской, явился. и по спросѣ,

объявилъ себя выходцемъ , гдѣ жилъ въ карантинѣ 6 недѣль, и объявилъ свое желаніе поселиться въ Казанской губерніи, на рѣкѣ Ирғизѣ. Около мѣста хотя я еще и не зналъ, однако жъ вездѣ сказывали, что сіе мѣсто къ поселенію для такого сорта людей, какого я, способно; и съ даннымъ мнѣ съ того форпоста пашпортомъ, за подписаніемъ Маіора Меньшикова, отправился въ числѣ таковыхъ же выходцевъ, изъ коихъ знаю только одного бѣлаго солдата, Алексѣя, а прозванія не знаю, а сей также сказался, что изъ Польши выходець, съ которымъ и ѣхалъ до Малыковки, гдѣ явились у управителя, но кто онъ таковъ, не упомяну. Управитель приказалъ намъ нѣсколько дней пообождать, а между тѣмъ намъренъ былъ отправить въ Симбирскую Правительственную Канцелярію, для записки въ назначенное мѣсто. Сіе происходило прошлаго 1772 года, а какъ въ то время былъ рекрутскій наборъ, то объявленный товарищъ мой нанялся за Малыковского крестьянина въ рекруты, который былъ, какъ слышалъ, и принятъ, и послѣ его не видалъ. А я, съ позволенія Малыковского управителя, не бывъ въ Симбирскѣ, поѣхалъ на Ирғизъ, въ Филаретовскій монастырь, къ настоятелю Филарету, у котораго, яко выходець, жилъ три дня, и вмѣстѣ съ онымъ поѣхалъ къ Малыковку попросить, чтобъ позволилъ не быть въ Симбирскѣ, прожить недѣли три, ибо лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться. Управитель хотя и понуждалъ, чтобъ поскорѣй явиться, но, наконецъ, позволилъ безъ объявленія прожить недѣли три, почему я обратно съ тѣмъ Филаретомъ къ нему въ монастырь пріѣхалъ, а на другой день поѣхалъ я въ Мечетную слободу для житья, ибо въ монастырь, хотя я и раскольникомъ уже назывался, жить было неблагопрістойно. Въ Мечетной слободѣ жилъ я у крестьянина раскольника Степана Косова съ недѣлю. Сіе происходило 1772 года, въ Ноябрь, въ первыхъ числахъ, а 15 того мѣсяца, той же Мечетной слободы, съ крестьяниномъ Семеномъ Филиповымъ, выпросивъ у Филарета лошадь и денегъ, поѣхалъ въ Яицкой городъ, для покупки для себя и Филарета рыбы. А пріѣхавъ туда, пристали къ казаку Яицкому, Денису Пьялову, и жили у него недѣлю. А какъ въ ту бытность съ казакомъ Пьяловымъ и обѣдали за однимъ столомъ, то въ одно время не стало за обѣдомъ хлѣба, и хозяинъ, Денисъ Пьяловъ, сожалея о семъ, говорилъ: «Вотъ, те, до чего мы дошли, что уже и хлѣба на обѣдъ не достало.» А какъ я спросилъ сему причину, то Пьяловъ говорилъ: «У насъ, де, было въ Яицкомъ городѣ убійство войсковой руки; казаки, въ томъ числѣ и я, хотя не дрался, однако жъ при той свалкѣ былъ, убили генерала фонъ-Траубенберга и многихъ его команды, также и Старшинской казаковъ и чиновныхъ людей не мало. А какъ дошло сіе убійство до Ея Величества, то присланъ, де, былъ для усмиренія Генераль Фрейманъ; а какъ онъ шелъ, то войсковые казаки выѣхали было противъ его на сраженіе, и не хотѣли пускать въ Яицкой городокъ; однако жъ Фрейманъ осилилъ, и войско, кое противъ его выѣжало, возвратилъ въ городокъ, увидя свою бѣду немину-

чую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, а многіе, де, разбѣжались, въ томъ числѣ и я шагался по степи и на узенихъ былъ въ укрывательствѣ». Напротивъ чего я говорилъ: «Такъ вы, де, хотѣли, видно, тоже самое сдѣлать, какъ нашъ Некрасовъ сдѣлалъ измѣну: подговоря многихъ, и бѣжалъ за Кубань, на рѣку Лобу. А передъ выходомъ, де, обѣщаль каждому казаку по 12 рублей на человѣка; а какъ вывелъ въ поле, то ни полушки и не далъ.» И такъ на то Денисъ Пьяновъ говорилъ: «Да какъ, де, быть то, великое гоненіе; вотъ, де, я и теперь въ бѣгахъ, того и смотри, какъ придутъ и возмутъ подъ караулъ.» А я отвѣчалъ: «Да какъ же быть? Хотя по поимкѣ тебя и поколотятъ, да можетъ и простить; а когда пойдете за границу, такъ почтутъ васъ измѣнниками, получите величайшій отъ Государыни гнѣвъ.» Больше сихъ разговоровъ я съ казакомъ Пьяновымъ ни какихъ не имѣлъ, и, купя въ Яицкомъ городкѣ рыбы, съ тѣмъ же Мечетной слободы мужикомъ, съ коимъ пріѣхали, Семеномъ Филиповымъ, возвратились въ домъ, въ Мечетную слободу. Потомъ я, согласясь съ хозяиномъ своимъ, съ Косовымъ, купили еще въ Мечетной слободѣ у пріѣзжихъ мужиковъ въ домъ 4 воза рыбы, и поѣхали для продажи оной рыбы въ Малыковку. Бывшій же со мною въ Яицкомъ городкѣ крестьянинъ, Семень Филиповъ, по увѣздѣ моею въ Малыковку, разсказалъ въ Мечетной слободѣ жителемъ, что по бытности на Яикѣ подговорилъ я всѣхъ Яицкихъ казаковъ на Лобу рѣку, и давалъ на выходъ войску, на каждую семью людей, по 12 рублей; почему тѣ жители и рапортовали о семъ Малыковскому управителю. А какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ, и потомъ распрѣшивалъ, по показанію Мечетныхъ жителей, яко бы я точно вызывалъ Яицкое войско на Лобу рѣку, задаться вѣчно Турецкому Султану, и на выходъ войску давалъ по 12 рублей на человѣка; а на границу, де, оставлено у меня до двухъ сотъ тысячъ рублей, да на семьдесятъ тысячъ товару, изъ которой суммы яко бы я то бѣжавшее войско ѣ коштовать хотѣлъ. И ежели, де, понадобится войску денегъ на приходъ далѣе, то паша дастъ еще до пяти милліоновъ рублей. Въ слѣдствіе того на меня доноса, показанный управитель меня и спрашивалъ. А какъ я таковыхъ рѣчей, по бытности въ Яицкомъ городѣ у казака Пьянова не говорилъ, и сказывалъ точно тѣ, какъ выше сказано, то есть, про Некрасова, то управитель счелъ, что я учинилъ заpiresательство; и хотя я ему и сказанъ точнымъ своимъ названіемъ, изъ подъ побой, однако жъ онъ, считая меня подозрительнымъ человѣкомъ, мучилъ, подъ пристрашнымъ допросомъ, дабы признался въ томъ, въ чемъ Мечетной слободы Филиповъ доказывалъ, и выпрашивалъ, не солдатъ ли, не Барской ли я бѣглою человѣкъ, а между тѣмъ все таки съкутъ немилосердно батогами. Однако жъ я утвердился на прежнемъ своемъ показаніи; отъ чего не говореныя на прежнемъ мною слова, яко бы подговаривалъ казаковъ на Лобу рѣку,

давалъ деньги и прочая неправда, показаны на меня. Потомъ управитель началъ меня отправлять въ Симбирскую Канцелярію. При отправленіи онъ читалъ мнѣ допросъ, въ которомъ написано было, яко бы я во всемъ, показуемомъ на меня, признался; то я управителю говорилъ: «На что, де, то взводить на меня напрасно. чего я не говорилъ, и въ чемъ я не признаюсь? А дайте мнѣ съ показателемъ, Семеномъ, Филиповымъ, очную ставку, такъ я его изобличу въ лживомъ на меня показаніи». Однако жъ тотъ Филиповъ представлень изъ слободы не былъ, а допросъ управитель не переписалъ. А кто, вмѣсто меня, по неумвѣнію грамотъ, приложилъ къ допросу руку, того не просилъ, да и не зналъ. И такъ въ Симбирскъ въ путь отправленъ. Деньги жъ, кои у меня были, равнымъ образомъ и рыбу, въ Малыковкѣ растащили, но кто именно, не знаю. Въ Симбирской Канцеляріи допрашиванъ я не былъ, а посланъ въ Казань, гдѣ и содержали, сперва въ Губернской, скованнаго въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Тотъ день спрашиванъ былъ что за человекъ? А какъ сказалъ, что Донскаго войска казакъ, то и вѣрно было посадить въ Губернской же. Не помню, въ какое точно время, только, не много спустя, призвали меня къ Секретарю, какъ его зовутъ, не знаю, который велѣлъ читать Малыковскій допросъ. А какъ въ томъ допросѣ написано было то самое показаніе, въ чемъ Мечетной слободы жители на меня доносили, то я сказалъ, что сего я точно не знаю, и отнюдь въ томъ въ Малыковкѣ не признавался; а для чего на меня тотъ въ сзмомъ дѣлѣ неправильный допросъ управитель отважился прислать въ Казань, не знаю. И какъ я настоялъ крепко въ произнесенныхъ мною точныхъ въ говореніи словахъ, то Секретарь, не дѣлая мнѣ никакого письменнаго допроса, только плюнулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза. А потомъ тотъ же Секретарь, призвавъ къ себѣ лѣкаря, велѣлъ осмотрѣть, не былъ ли чѣмъ прежде наказанъ. Когда жъ лѣкарь раздѣлъ до нага и увидѣлъ, что былъ съченъ, а не зналъ чѣмъ, спрашивалъ: «Конечно, де, ты, Пугачевъ, кнутомъ былъ наказанъ, что спина въ знакахъ?» на что я говорилъ: «Нѣтъ, де, а съченъ только во время Пруссаго похода, по приказу Полковника Денисова, въжалой плетью, а потомъ чрезъ Малыковскаго управителя терпѣлъ пристрастный распросъ подѣ батогами.» И такъ послали меня опять въ свое мѣсто, гдѣ содержался. Какъ уже сказано, что допроса мнѣ тутъ письменнаго сдѣлано не было, то я никакой нужды и не имѣлъ, кого просить, кто бѣ, вмѣсто меня, руку къ допросу прикладывалъ.

Просидя въ Губернской, переведенъ потомъ былъ въ острогъ, скованный же въ ножныхъ кандалахъ, и меня употребляли, съ прочими колодниками, во всякія казенныя работы, а большею частию на Арескомъ полѣ, около Дворца. Во время жъ того содержанія подѣ карауломъ, короткую пріязнь я имѣлъ съ однимъ колодникомъ, Парфеномъ Дружининымъ, который содержался за прочетъ *.... мой съчену кнутомъ, отъ чего и бѣжалъ бы, де, куда

* Въ спискѣ, служившемъ мнѣ подлинникомъ, здѣсь вѣрно пропущена строка.

ни есть, только не знаю, где скрыться будетъ.» На что я говорилъ: «Если бы, де, можно было отсель уйти, такъ бы я тебя вывелъ на Донъ, и тамъ бы вѣрно нашли мѣсто, гдѣ прожить.» И такъ оный разговоръ, согласный къ побѣгу, окончилъ. А какъ въ острогъ изъ караульныхъ примѣтили мы въ одномъ солдатѣ Малороссійскую склонность къ неудовольствію въ его жизни, а мы при случаѣ сказали о нашемъ намѣреніи, то солдатъ согласился, и всѣ трое начали отыскивать удобный случай, дабы изъ острога бѣжать. Между тѣмъ пропало у меня, не помню сколько, денегъ; а какъ многіе о семъ узнали и хотѣли отыскивать, однако жъ я объ нихъ не тужилъ: «Я, де, считаю сіе за милостьню. Кто взялъ, Богъ съ нимъ!» Вина же тогда я не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали меня добрымъ человѣкомъ. Однако жъ въ то время отнюдь еще не помышлялъ, чтобъ изваться Государемъ. И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкрасться людямъ въ любовь, и послѣ какъ назовусь Государемъ, чтобы можно было на сію благочестную жизнь ссылаться. Въ оное жъ содержаніе подъ карауломъ, по порядочной моей жизни, отъ подавнн собралъ, сверхъ пропавшихъ у меня денегъ, около. или и больше, тридцати рублей. Что много у меня сихъ денегъ было, то не отъ чего другаго, какъ по хорошей моей жизни, многіе на меня подавали. Нѣкоторые вдругъ по рублю и больше, спрашивали при подачѣ именно: «Кто, де, здѣсь Емельянъ Пугачевъ? Вотъ, де, ему рубль!» Въ одно время купецъ Дружининъ говорилъ мнѣ: «Что жъ, Емельянъ, мы можемъ бѣжать?» А какъ я сказалъ: «Хорошо,» что одобрилъ и солдатъ, то Дружининъ далъ своему сыну денегъ, коему, по видимому, было лѣтъ пятнадцать, какъ зовутъ, не знаю, велѣлъ купить лошадь и телегу. А какъ она была готова, и сынъ его, Дружинина, объявилъ, которому онъ говорилъ: «Когда, де, мы отпросимся у караульныхъ къ попу (какъ его зовутъ, я не знаю, ибо онъ знакомъ Дружинину), и ты, де, тутъ съ кибиткою по близку подѣвжай. но съ тѣмъ, чтобы никто тебѣ не видалъ, гдѣ мы будемъ.» Сіе происходило прошлаго 773 года, въ маѣ мѣсяцѣ, и въ послѣднихъ числахъ. Согласясь съ тѣмъ Дружининымъ и съ показаннымъ Малороссійской націи солдатомъ, умысля по утру, стали проситься у караульнаго офицера съ тѣмъ, чтобы отпустилъ для испрошенія милостьни къ попу, который насъ и отпустилъ. А солдатъ, согласный къ побѣгу, и другой, который того заговора не зналъ, къ попу конвойними за нами пошли. Пришедъ къ попу, не засталъ его дома; и Дружининъ говорилъ, что надобно, де, возвратиться назадъ въ острогъ; ибо, де, по небытности попа дома не съ кѣмъ напиться и напоить до пьяна другаго солдата, который не былъ къ побѣгу согласенъ. А съ попадьею, де, пить не хорошо, да она же и пить не согласится; а безъ хозяина чинить сіе дурно. И такъ въ острогъ возвратились. А того жъ дни, чрезъ два часа, сіе было въ обѣдъ, со спросу же караульнаго офицера, съ тѣми же солдатами къ тому попу

пошли. А между тѣмъ телѣга отъ сына Дружинина готова. Пришедъ къ попу, Дружининъ договорился съ попомъ, чтобы сходилъ тотъ попъ въ иштейный домъ и на данныя Дружининымъ деньги купить вина и меду. Попъ на то согласился, вина и меду купилъ. А какъ сіе, окромя его, Пугачева выпили и показалось мало, то Дружининъ послать пона еще за виномъ, давъ также изъ своего кошелька деньги. А попъ и еще хмельнаго принесъ. И такъ напились до пьяна, а болѣе старались поднотить несогласнаго къ побѣгу другаго солдата. Попъ же совсѣмъ своимъ домомъ о умыслѣ нашемъ къ побѣгу отнюдь не зналъ. И такъ простясь съ нимъ, и сказавъ, что идутъ въ острогъ, изъ дому пона вышли. А попъ, проводя на дворѣ свой, возвратился назадъ и хлопнулъ калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади, запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ, но чтобъ отвести въ зрителяхъ подозрѣніе, закричалъ: «Имникъ, что возмешь довести до острогу?» А сынъ сказалъ: «Много ли вась?» А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5-ть копейекъ, за которую плату велъ четверо, а сынъ Дружинина пятый, и сѣли, и накрылъ тотъ мнимый другіихъ извозчикъ привязанною на кибиткѣ рогожкой, и такъ побхали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытыя всѣ рогожкою ѣдутъ долго, то солдатъ спрашивалъ: «Что де, такъ долго ѣдемъ?» На то ему онъ, Пугачевъ, отвѣчалъ: «Видно, де, не въ ту дорогу побхали.» Когда жъ выѣхали на Арское поле, то рогожку открыли и солдатъ удивился, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выѣхали изъ Казани. «Оставайся, де, съ благополучіемъ!» а сами въ путь побхали. Онаго солдата отнюдь они не били, а если онъ прежде такъ показывалъ, то соглалъ.

Скакали мы мимо Царицынскаго села и далѣе, не кормя лошадь, цѣлыя сутки, и пріѣхали въ одну деревню, гдѣ живутъ Татары; какъ называется та деревня, не знаю. Тутъ Дружининъ взялъ свою жену, которая жила въ укрывательствѣ отъ поисковъ Губернской Канцеляршн, и у того же Татарина, у коего жила жена Дружинина, купилъ онъ, Дружининъ, лошадь за 4 рубля, и подпрягли къ первой, сѣли все въ телѣгу и побхали въ тотъ городокъ, гдѣ Дружинина жительство. А проѣхавъ, не пристававъ въ ономъ, съ версту, остановились, и послалъ Дружининъ сына своего за другими дѣтьми его. Сынъ Дружинина пошелъ было по приказанію отца своего, но признавъ былъ тѣми жителями, или посланными отъ Губернскаго для поиска ихъ, кои хотѣли было связать; однако жъ онъ ушелъ и пріѣхавъ, о семъ сказалъ. И такъ мы въ путь далѣе побхали. А на другой день пріѣхали на рѣку Вятку, на перевозъ, гдѣ спросили насъ, куда мы ѣдемъ, а какъ имъ отвѣствовано было, что ѣдемъ на Кураковской заводъ и такъ насъ перевезли. А какъ порядочно дороги не знали, какимъ образомъ чрезъ Яикъ на Приизъ для жительства побхать, когда жъ на Приизъ

не покажется, пробраться на Донъ, то на дорогъ, по нѣскольکو въ пути дней, попался намъ на встрѣчу человекъ, и спросили его, какъ переѣхать Каму и гдѣ? На то тотъ неизвѣстный человекъ отвѣчалъ, что можно, де, переѣхать повѣше Котловъ; тутъ, де, есть перевозъ, гдѣ мы и переѣхали. А переѣхавъ, спросили, гдѣ на Яикъ дорога? На то отвѣствовано было: «Повѣжай, де, на село Сарсасы!» куда мы и прѣехали. Въ ономъ селѣ былъ знакомый мужикъ, Алексѣй Кандалицовъ; оный знакомъ по тому, что прѣзжалъ въ Казань отдавать въ зачетъ рекрута на поселеніе людей, и былъ въ Губернской въ то время, какъ я тамъ содержался, подавалъ мнѣ милостыню. Я же тогда изъ любопытства спрашивалъ его, такъ какъ милостиваго человека, что онъ за человекъ и откуда? а онъ мнѣ разсказалъ свое жителство. По тому-то знакомству я, прѣхавъ въ то село, и допытался, гдѣ Кандалицова домъ. Дружинникъ же поѣхалъ насквозь того села и сталъ на полѣ. Я же зашелъ къ тому мужику, и не для того, чтобъ жить, а чтобъ нанять лошадей, ибо тѣ, на которыхъ мы ѣхали, пріустановили. Нашедъ онъ, Пугачевъ, Кандалицова, и поклонись ему, тотъ спрашивалъ: «Ба! Здорово. Емельянъ Ивановичъ! Куда ты ѣдешь?» А какъ Пугачевъ отвѣчалъ, что бѣжалъ и ѣдемъ на Иргизъ, и сталъ его просить, чтобъ Бога ради нанялся нѣскольکو вереть его съ товарищемъ отвезти, на то Кандалицевъ отвѣчалъ: «Да я, де, и самъ на Иргизъ ѣду.»—«Да какъ же быть то? Вѣдь у меня есть товарищъ, такъ не равно ты не скоро соберешься, а ему ждать не можно.» На то Кандалицевъ говорилъ: «Такъ согласись, де, на то, чтобъ уйти отъ товарища, да вмѣстѣ и поѣдемъ. А чтобъ отвезти подозрѣніе, дабы не узнали, что яко бы бѣглецы у меня были, и послѣ не можно бѣ было отвѣчать мнѣ, то я васъ провожу до первой деревни, а тамъ, де, ты можешь отъ товарища своего уйти, и возвратись ко мнѣ въ домъ, да поживемъ нѣскольکو времени, и такъ на Иргизъ поѣдемъ.» На что онъ, Пугачовъ, согласился, и то сдѣлали. Прѣхавъ къ первой Татарской деревнѣ, остановились для ночлегу. А въ оную ночь онъ, Пугачовъ, какъ было условлено, бѣжалъ къ Кандалицеву въ домъ, а по утру и хозяинъ прѣхалъ, сказывая, что Дружинникъ его искалъ, и много сожалѣлъ объ немъ, однако жъ далѣе къ Иргизу поѣхалъ. Жилъ онъ, Пугачовъ, у Кандалицева нѣскольکو недель, а потомъ собрались съ Кандалицевымъ и на его лошадахъ на Иргизъ поѣхали. Кандалицевъ на Иргизъ поѣхалъ для спасенія въ Скитъ, и для того не сказалъ объ своемъ отъѣздѣ ни женѣ, ни дѣтямъ своимъ; ибо по раскольничьему обыкновенію видно такъ водится. Онъ же, Пугачевъ, чтобы снискать въ раскольникахъ знакомство, сказывался и самъ таковымъ же, а потому во всякомъ мѣстѣ страннопріимствомъ ихъ и пользовался; ибо у раскольниковъ принимать бѣдныхъ и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель. А какъ при отъѣздѣ у Кандалицева объ отъѣздѣ билетъ былъ, а у него, Пугачова, не было, то по прѣздѣ къ Яицкому городку (ибо другой дороги

чтобъ не чрезъ городъ, на Пргизъ ишту, чего ради въ городъ вѣхаты и поопасались, чтобъ не спросили), остановились подъ городомъ, подъ Дуку Переволошную. Сіе ивкоторое Яицкихъ казаковъ урочище, гдѣ навхали двухъ Яицкихъ казачьихъ женъ, какъ зовутъ, не знаю, и спросили у нихъ: «Можно ли, де, повхаты въ городокъ и оттуда на Пргизъ?» А какъ женщины отвѣчали: «Если паспортъ есть, то проедете; а когда нѣтъ, то въ воротахъ задержатъ» женщины жъ спросили, куда намъ надобно; когда же сказано, на Пргизъ, то женщины указали: «Вонъ, де, у этого Строгановскаго саду (садъ казака Строга), а тамъ чрезъ Чаганъ переведеге.» Почему они и повхали. А переѣхавъ чрезъ Чаганъ, повхали большимъ шляхомъ на Пргизъ, и прѣхали уже поздно близъ Таловскаго умету (сей уметъ содержитъ одинъ человекъ, называющійся Степаномъ Максимовымъ сыномъ Обоимевымъ, прозывающимся Еремкиной Курицей), и тутъ Мечетной слободы съ крестьянами почевали. Оные ѣздили въ Яицкой городокъ для продажи хлѣба. Тутъ Пугачовъ разсудилъ уже на Пргизъ не вхаты, для того, что тамъ его знаютъ, и прежде поймали. А какъ и тогда былъ безъ всякаго письменнаго вида, такъ для той же причины вхаты поопасался. Откликать онъ товарища своего, Кадалинцева, въ сторону, и сію, на Пргизъ вхаты, невозможную причину разсказывать; на то Кадалинцевъ: «И, де, туда поѣду;» а Пугачовъ сталъ просить, чтобъ онъ своихъ лошадей ему за настоящую цѣну продать «И я, де, куда ни есть поѣду въ другое место.» Кадалинцевъ пару лошадей съ телъгою за 25-тъ рублей ему уступилъ, и я заплагилъ ему деньги. Кадалинцевъ повхалъ на Пргизъ, а онъ, Пугачовъ, на уметъ съ показаннымъ Еремкиной Курицей.

По прѣѣздѣ къ нему Еремкина Курица узналъ его, для того, когда съ выше сего сказаннымъ Семеномъ Филиповымъ ѣздили съ Пргиза въ Яицкой городокъ для покупки рыбъ, такъ у него, Еремкиной Курицы, приставали. Еремкина Курица спросилъ: «Что, Емельянъ, отпущенъ изъ подъ караула (ибо онъ зналъ, что былъ пойманъ)?» Но Пугачовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, де, а я бѣжалъ,» и просилъ его, чтобъ позволилъ у себя до времени пожить. А уметчикъ на сіе говорилъ «Живи, де; я много добрыхъ людей скривалъ.» И такъ жилъ у него недѣли двѣ или больше, упражнялся въ стрѣляннѣ и ловли на степи звѣрей. А какъ сей уметъ на такомъ мѣстѣ, что великое число его проѣзжаетъ людей, а Яицкихъ казаковъ множество ѣздить туда для стрѣляннѣ звѣрей, то въ одно время обедали несколько человекъ Яицкихъ казаковъ за однимъ съ нимъ и Еремкиной Курицей столомъ, и разговаривали тѣ Яицкіе казаки, конхъ онъ, Пугачовъ, не знаетъ, что они скриваются изъ городка для того, что, по убитіи, де, Генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у Генерала и прочихъ имѣніе, и велѣно собрать съ кого 40, съ кого 30, а съ ивкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечемъ, то войсковая команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжа-